

УДК 821.161.1

Г. Г. Багаутдинова*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*

**«СЛУГИ СТАРОГО ВЕКА» И. А. ГОНЧАРОВА:
ПОЭТИКА КОМПОЗИЦИИ В АСПЕКТЕ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

Понятие композиции рассматривается в статье как соотношение или расположение каких-то частей произведения (внешняя композиция), которое соотносится с нарративной структурой произведения, то есть с носителями различных «точек зрения» («внутренняя» композиция). Автор исследует композицию «Слуг старого века» И. А. Гончарова в аспекте пространственно-временной «точки зрения», теория которой была разработана Б. А. Успенским. По мнению автора, композиционный прием «точки зрения» является структурообразующим принципом художественного целого.

Ключевые слова: прозаический цикл, композиция, нарратив, «точка зрения», хронотоп.

Целесообразность анализа композиции «Слуг старого века» (1888) И. А. Гончарова в аспекте «точки зрения» обусловлена несколькими причинами:

1. «Слуги старого века» представляют собой некое художественное единство, состоящее из четырех очерков, – «Валентин», «Антон», «Степан с семьей», «Матвей».

2. При поверхностном рассмотрении очевидно, что художественное единство «Слуг старого века» осуществляется на автобиографическо-персонажном, жанровом уровнях произведения: «Я иногда отмечал на клочках наиболее выдающиеся фигуры моих слуг, их характерные черты, нравы, привычки...» [4, с. 128].

3. Вероятно, целостность этих очерков организует и фигура автора-повествователя. В «Слугах старого века» под автором скрывается как автор биографический – писатель И. А. Гончаров, так и автор-творец художественного мира. Автобиографичность заявлена уже в подзаголовке – «Из домашнего архива». Во вступительной части, служащей в композиции «вместо предисловия», автор персонифицируется: «Мне нередко делали и доселе делают нечто вроде упрека или вопроса, зачем я, выводя в своих сочинениях лиц из всех сословий, никогда не касаюсь крестьян, не стараюсь изображать их в художественных типах...» [4, с. 125]. Таким образом, автор как создатель художественной реальности и Гончаров как писатель – реально существовавший человек, наблюдавший за своими слугами, в произведении выступают в качестве одного и того же

«лица». Поскольку субъект речи и объект изображения совпадают, встает вопрос о повествующем субъекте.

Гончаров в своем произведении является предметом изображения (персонажем) для автора-творца, но не для других действующих лиц. Его речь как субъекта повествования направлена не на других литературных героев, а выходит за пределы вымышленного мира. Кроме того, между Гончаровым-персонажем и субъектом речи нет стилистических различий, в отличие от других персонажей, являющихся носителями определенной социокультурной, языковой, «чужой» речевой стихии. Субъект речи находится в «Слугах старого века» не только внутри изображенной реальности, как было бы в случае с рассказчиком, но и на границе художественного мира с действительностью, то есть выступает в качестве аукториального повествователя.

Несмотря на то, что в очерках субъект изображения персонифицирован, он по своему мировидению близок автору-творцу, обладающему «всеохватным» кругозором и эпической «вненаходимостью» (термины М. М. Бахтина). По сути позиции Гончарова-персонажа, Гончарова-повествователя, Гончарова-автора в указанном произведении совпадают. Реальный автор, написавший текст «Слуг старого века», не отстраняет своей позиции от художественного образа автора и созданного им «автобиографического» автора-героя. Итак, в «Слугах старого века» происходит самоидентификация Гончарова-писателя, поэтому считаем уместным употреблять термины

«автор-повествователь» и «автор-персонаж» (несмотря на то, что персонаж-Гончаров модифицируется в Гончарова-автора, мы принимаем его за внутритекстовую художественную единицу, не отождествляя эти понятия).

4. Повествовательная структура в «Слугах старого века» не монологична: наряду с Гончаровым-персонажем в структуре произведения представлено множество других носителей сознания. На наш взгляд, в «Слугах старого века» понятие композиции как соотношения или расположения каких-то частей произведения (внешняя композиция) соотносится с нарративной структурой произведения, то есть с уровнем восприятия, с различными субъектами речи, носителями различных «точек зрения», организующими «внутреннюю» композицию произведения.

5. Под «точками зрения» вслед за Б. А. Успенским понимаем «авторские позиции, с которых ведется повествование (описание)...» [5, с. 16]. Эта «точка зрения» или «точки зрения» могут быть зафиксированы на разных уровнях текста: «план идеологии», «план пространственно-временной характеристики», «план психологии» и прочих. Цель статьи – исследовать композицию «Слуг старого века» в аспекте пространственно-временной точки зрения.

«Точка зрения» в плане пространственно-временной характеристики означает то, что «в определенных случаях точка зрения повествователя может быть как-то – с большей или меньшей определенностью – фиксирована в пространстве или во времени...» [5, с. 100].

Авторская ретроперспектива намечается в экспозиции очерка: «Я иногда отмечал на клочках выдающиеся фигуры моих слуг, их характерные черты, нравы, привычки – и забрасывал эти клочки далеко в стол, в свой домашний архив, не думая делать из них какое-нибудь всего менее литературное употребление. Когда клочки попадались под руку, я пробегал глазами эти портреты, припоминал черты лиц и смеялся, хотя некоторые оригиналы этих копий в свое время немало причиняли мне забот, ставили меня в критическое, иногда, как увидит читатель, беззащитное положение» [4, с. 128–129].

Доминирующее положение в пространственно-временной перспективе принадлежит точке зрения автора-персонажа, автора-повествователя: «Господи боже мой! Что это за дьявол баба! – охая, говорил Степан и шел за дровами. – Я тебе дам «дьяволом» звать! – шипела она крестясь, – господи, спаси меня! Навязал ты мне эдакий клад

на шею!» [4, с. 160]. «А когда он, исполненный усердия, пробовал помочь ей: «Дай-ка сковороду, я картофель поджарю». – Она на него обрушивалась: «Не суйся, не спрашивают!» – кричала она. – «Я бы тертым сухарем посыпал, да сметанки подлил, да лучку тебе поджарю – вот как вкусно будет, пальцы оближешь!» – договаривал он. – «Слышишь, я тебя кочергой огрею, если будешь соваться – вот пресвятая мать, огрею!» – грозила она. – «Сидя в ванной, почти рядом с кухней, одеваясь и раздеваясь, я постоянно слышал эти перебранки и другого не слышал» [4, с. 160]. В данном фрагменте автор описывает диалог героев и как непосредственный наблюдатель (персонаж), и как незримое действующее лицо (повествователь), так как в момент супружеской перебранки находился в другом месте.

Точка зрения автора-персонажа выявляется в том случае, когда он сам становится очевидцем происходящего: «Дня через два, заглянув в их помещение, я изумился множеству навезенной всякой всячины. Постель с перинами и подушками горой, почти до потолка, множество разной посуды, кастрюль, печных горшков и т. п. утвари» [4, с. 159]. Или: «Когда через десять минут ни чаю, ни Антона не показывалось, я скорыми шагами направился в переднюю посмотреть, что там делается и остолбенел. В тесной комнате Антона битком набито было народу, человек шесть. Они сидели на двух стульях, на табуретке, на скамье, один взгромоздился на край стола, двое теснились на краю постели Антона, именно те самые, которые входили ко мне. На столе стояли штофы, бутылки, тарелки с пирогом, ветчиной, колбасой, огурцами и прочей закуской. Тут же были яблоки, винные ягоды» [4, с. 149].

Примеры можно продолжить: «Когда я проходил в свою гардеробную, я постоянно слышал молвь: это и натурально, когда живут двое вместе. Но молвь эта была задорная, с криком, с возгласами – иногда бранью, – все со стороны Матрены» [4, с. 159–160]. Кроме того: «Утром следующего же за тем дня, вставши, я только хотел позвонить, как услышал ужасную суматоху, возню, стукотню в комнатах. Падали вещи, что-то звенело, валилось. Я заглянул туда. Вижу, мой Матвей, без сюртука, в одном жилете, раскладывая нескладные ноги врозь и простирая длинные руки в стороны, бегаёт, скачет по моему кабинету, точно ловит курицу во дворе. В комнате все было не на своем месте: мебель сдвинута, все раскидано, книги в куче на полу, мелкие вещи на окнах и т. д.» [4, с. 173].

Пространственно-временная авторская точка зрения проявляется во всех очерках, о Валентине сказано: «Однажды, прохаживаясь еще не поздно ночью, после вечернего чаю, я услышал его голос. Он что-то говорил. Сначала я не обратил на это внимания, думал, что он рассуждает вслух, как есть у некоторых привычка, или молится. Но, ступая по ковру легче, я услышал мерное, плавное чтение, почти пение, как будто стихов» [4, с. 131].

Нередко в «Слугах старого века» пространственно-временная точка зрения автора, выступающего в качестве персонажа и повествователя одновременно, взаимодействует с точкой зрения других персонажей: «Однажды, воротясь домой и найдя дверь запертою, я сошел вниз спросить у дворников, где он, и, заметив около каретного сарая – кучку дворни, особенно женщин, пошел туда. И что же вижу: Валентин стоит посреди сарая, закинув голову вверх, разряженный в желтые нанковые панталоны, черную плисовую жакетку, в розовом галстуке и с желтым цветком в петлице (...). Все смотрели на него с улыбкой, девушки с неудержимым хохотом. (...) Я тоже захохотал» [4, с. 139].

Пространственно-временная «точка зрения» слуг проявляется в историях, рассказанными с их слов: «Они, барин, собирались у нас внизу всю дачу обокрасть: тут и тачка у них была припасена... из соседнего сада взяли, и мешки принесли... Если б обокрали дачу, на сторожа подумали бы... Ему досталось бы. Поп-то строгий, скупой... Какой ему убыток» [4, с. 182].

Описание одного и того же эпизода во временной перспективе может представлять собой синтез различных «точек зрения». Например, автор-повествователь при описании начинающегося запоя у Степана сначала приводит рассказ его жены, Матрены: «Он, бывало, когда служил поваром, получит рублей двадцать жалованья, пойдет в трактир... и ни копейки домой не принесет...» [4, с. 162]. «Точка зрения» Матрены дополняется высказыванием ее сына, Петруши. Этот мне подтвердил, что «тятенька его запивает, как только получит деньги. И тогда озорничает, дерется с мамкой, таскает и его за вихры, бьет и ломает, что попадет под руку» [4, с. 163].

Таким образом, в тексте правомерно выделить позицию автора-повествователя, автора-персонажа, слуг и других персонажей. Доминирующая «точка зрения» на всех уровнях повествовательной структуры текста принадлежит автору-повествователю, автору-персонажу. Пространственная перспектива фиксируется при присутствии или отсутствии персонажей очерков в том или ином топосе; временная позиция выражается с помощью видовременных форм глаголов.

Автор-персонаж, в отличие от остальных героев, присутствует во всех «очерках» и является структурообразующим началом, скрепляющим воедино все части произведения. Переход от одной «точки зрения» к другой, совмещение различных «точек зрения» друг с другом становятся композиционными приемами, объединяющими очерки воедино.

1. *Багаутдинова Г. Г.* Жанрообразующие традиции в «Счастливой ошибке» И. А. Гончарова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. I. С. 23–25.

2. *Багаутдинова Г. Г., Жукова Е. Ю.* Языковые средства создания комического в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 25–27.

3. *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М., 2000. Т. 2. 799 с.

4. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1980. Т. 7. 462 с.

5. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб., 2000. 348 с.

1. *Bagautdinova G. G.* Zhanroobrazuyushchie traditsii v «Schastlivoi oshibke» I. A. Goncharova, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2014, No. 3 (33): v 2 ch., ch. I, pp. 23–25.

2. *Bagautdinova G. G., Zhukova E. Yu.* Yazykovye sredstva sozdaniya komicheskogo v ocherke I. A. Goncharova «Pepin'erk», *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, No. 10, pp. 25–27.

3. *Bakhtin M. M.* *Sobr. soch.*: v 7 t., M., 2000, t. 2, 799 p.

4. *Goncharov I. A.* *Sobranie sochinenii*: v 8 t., M., 1980, t. 7, 462 p.

5. *Uspenskii B. A.* *Poetika kompozitsii*, SPb., 2000, 348 p.